

Н. Д. Зольникова

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»*

УДК 930.2

ББК 62.212

Статья дает представление о трудах новосибирской археографической школы академика Н. Н. Покровского в последние годы. Эта школа известна междисциплинарностью исследований филологов, историков, этнографов. Работы охватывают широкий временной отрезок российской и сибирской истории (XVI — начало XXI в.); их тематика, определенная основателем школы, связана с историей православия — РПЦ и староверия (включая литературное творчество), — общественной мысли и общественного сознания, с историей изучения Сибири академическими экспедициями и т. д.

Ключевые слова: *история православия, старообрядчество, Русская православная церковь, сибирские экспедиции Российской академии наук*

Признанная в науке археографическая школа академика Николая Николаевича Покровского, которому в 2015 г. исполнилось бы 85 лет, существует в Новосибирске с середины 1960-х гг. Разброс тем, которыми она занимается, — следствие творческих устремлений ее создателя. Хронологически эти темы охватывают последние семь веков российской истории и четыре — сибирской. Многие открытия Н. Н. Покровского в области истории России, археографии послужили толчком к изучению затронутых им проблем его учениками и сотрудниками. Под руководством Николая Николаевича разрабатывались вопросы социально-политической истории, истории старообрядчества и Русской православной церкви (далее РПЦ), истории общественного сознания населения Сибири XVIII–XX вв. и т. д. При этом в большинстве случаев труды как руководителя, так и его сотрудников были обращены к «белым пятнам» в науке. Так, начатые с середины 1960-х гг. исследования по истории православия (РПЦ и старообрядчества) стали редким в то время исключением, так как не вписывались в цензурные условия, требовавшие трактовать конфессиональные проблемы с точки зрения воинствующего атеизма: напротив, Н. Н. Покровский доказывал зависимость социально-политического про-

теста не только от экономического и социального угнетения, но и, едва ли не в первую очередь, от мировоззренческих, прежде всего богословского характера, установок староверов. Подобная интерпретация входила уже в прямое противоречие с методологией советской историографии, опиравшейся на постулат о главенстве базиса над «надстройкой».

Со временем Н. Н. Покровского все больше стала привлекать именно сфера идей, мировосприятия, менталитета русского населения (далеко не всегда старообрядцев) как варианта народного христианства. Его работы по данной проблематике появлялись в те же годы, когда ширилась слава школы «Анналов», изучавшей аналогичные явления на примере католического варианта народной религиозности. На русском материале подобных исследований в силу названных причин тогда почти не было. Когда в советской историографии, уставшей от навязчивого главенства в гуманитарной науке марксистской социологии, все чаще начали писать (со ссылкой на актуальные зарубежные достижения) о необходимости поставить в центр исследования человека, в действительности уже имелся солидный задел, созданный за несколько десятилетий трудами Н. Н. Покровского, которые были насыщены зарисовками ярких характеров и людских судеб. Не упустить человека в исследованиях Н. Н. Покровский учил и своих учеников, и сотрудников. В данной статье предпринята попытка продемонстрировать развитие научных традиций школы Н. Н. Покровского его учениками в последние

*Зольникова Наталья Дмитриевна — д.и.н., г.н.с.,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: nprokrov@gmail.com*

* Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (НШ 219. 2014.6.)

годы. При этом естественным было обратиться к статьям журнала «Гуманитарные науки в Сибири», поскольку ученые Института истории СО РАН, в котором работал Николай Николаевич и его ученики, имеют возможность оперативно публиковать результаты своих изысканий на страницах данного издания.

Большая группа новосибирских археографов изначально занималась историей старообрядчества, тем более что полевые исследования ежегодно давали приращение богатейшего, часто ранее совершенно неизвестного науке материала, по проблемам церковного раскола середины XVII в. и жизни староверов вплоть до начала XXI в. В поле зрения ученых оказывались ключевые фигуры староверия и процессы, происходившие во всех многочисленных ответвлениях старообрядчества за почти четырехсотлетний отрезок времени. Хотя старообрядчество и имело региональные особенности, оно, как правило, в пределах одного направления (согласия) было тесно связано со своим авторитетным центром — в Москве, на Русском Севере, в Поволжье и т. д. Поэтому исследования новосибирских археографов коснулись не только сибирского, но и российского староверия в целом.

Еще одна особенность этих исследований — их междисциплинарность. Поскольку они основаны преимущественно на нарративных источниках, принадлежащих перу народных книжников, над анализом этих материалов не один десяток лет работают плечом к плечу историки и филологи-«древники», специалисты по истории древнерусской письменной традиции. Такое тесное содружество привело к тому, что историки, наряду со своими профессиональными методами, стали применять филологические (в частности, метод текстуального анализа), а филологи — исторические; при этом те и другие подчас обращаются к методам культурологии.

Рассмотрим основные труды новосибирской школы за последние годы. Внимание историка Н. С. Гурьяновой было сосредоточено на сочинениях ранних старообрядцев-книжников, живших в XVII — начале XVIII в., чьи произведения стали в дальнейшем авторитетными для всех направлений староверия. Ее интересует соотношение традиции и новаций в их творчестве — тема, давно дискутирующаяся, но до сих пор недостаточно раскрытая исследователями старообрядчества. Проблема не всегда решается Н. С. Гурьяновой

на материале авторских сочинений: внимание обращается также на сборники — одну из самых традиционных литературных форм Древней Руси, унаследованных старообрядческой письменной культурой. Исследовательнице удалось установить, что уже один из первых писателей-старообрядцев, Геронтий Соловецкий, внес значимые изменения в обычные сборники авторитетных текстов. Нужно для своих полемических целей контекста он добивался весьма своеобразным методом: каждую включенную в сборник цитату предварял собственным заголовком-аннотацией. При этом Геронтий Соловецкий старался подобрать комплекс цитат, одинаково авторитетных как для сторонников старой веры, так и для ее противников. Анализ подобных сборников позволяет не только увидеть творческую лабораторию писателя, но и выделить комплекс заложенных в сборнике идей, формировавшихся при зарождении старообрядчества.¹

Ориентация староверов на противодействие миссионерской деятельности русской православной церкви прослежена Н. С. Гурьяновой в старообрядческих сборниках начала XVIII в., в которых были сконцентрированы подготовительные к полемике с официальной церковью материалы. Полемике вели «большаки» Выгорецкого поморского центра братья Денисовы и их единомышленники, работу которых высоко оценили в XX в., поскольку они предвосхитили научные методы критики источников. Н. С. Гурьянова пытается разгадать феномен этого творческого взлета народных книжников, выявляя, «каким образом старообрядцы обогащали усвоенную от книжников Древней Руси традицию использования авторитетных текстов, дополнив ее источниковедческим, палеографическим и лингвистическим анализом... книг».² В частности, она исследует, как в подготовительных сборниках систематизировались и распределялись по тематическим разделам материалы, предназначенные для полемики, которые к тому же снабжались подробными описаниями рукописей, откуда эти материалы заимствовались. В результате поморцы сумели на вполне современном научном уровне проследить бытование отдельных памятников Древней

¹ См.: Гурьянова Н. С. Геронтий Соловецкий — составитель сборника // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 3–7.

² Гурьянова Н. С. Старообрядческие сборники и миссионерская деятельность Русской православной церкви в начале XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 24.

Руси в течение столетий.³ Аналогичному анализу были подвергнуты не только сборники в целом, но и их заглавия и предисловия; были определены способы их использования в формировании концепции сборников.⁴

Изучение путей восприятия и передачи актуальных идей в творчестве народных писателей Н. С. Гурьянова осуществляет на материале не только XVII — начала XVIII в., но и более позднего времени. Так, при исследовании сочинения второй половины XVIII в. «Об антихристе. 18 разделов», составляющего значимый этап в развитии старообрядческой эсхатологии, она анализирует и рецепцию идей этого сочинения, которую предпринял неизвестный читатель-старовер в начале XIX в.⁵ И здесь она тоже наблюдает творческую работу с текстом предшественника: краткие замечания последнего дополняются развернутыми пояснениями читателя-старовера, и он, таким образом, превращается в соавтора на новом временном отрезке существования старообрядческого сочинения.

Метаморфозы, происходившие во времени и пространстве с сочинениями основателей староверия, привлекли внимание и филолога Л. В. Титовой. Используя текстологический метод, она изучила обстоятельства переделки многократно переписывавшегося в Сибири знаменитого сочинения «Ответ православных», автор которого — дьякон Федор, сподвижник и союзник протопопа Аввакума. Ей удалось выяснить, что создание упрощенной Сокращенной редакции памятника было вызвано изменившейся в последней трети XVII в. обстановкой, когда злободневной стала оценка происходящего в стране как проявления власти воцаряющегося антихриста.⁶ Внимание исследовательницы привлекло и бытование письменного наследия первых старообрядческих писателей XVII в. в следующем столетии. Как и авторы, трудами которых занималась Н. С. Гурьянова, старообрядческие книжники, нередко анонимные, подходили к сочинениям своих предшественников твор-

чески. Они, как выяснилось, в проповеди среди «своих» или полемике с инаковерующими опирались на авторитет первых «расколоучителей», объединяя их произведения в компиляции. Но эта работа не была механической: в исходный текст обязательно вносились дополнения, изменения, связанные с идейными целями автора. Л. В. Титовой удалось проследить характер таких переделок: способ соединения цитат в новом компилятивном тексте, как оказалось, также нес смысловую нагрузку.⁷

Филолог О. Д. Журавель посвятила свои штудии одной из наиболее актуальных тем в современной историко-филологической науке — старообрядческой агиографии. Особенное внимание она уделила уникальному памятнику сибирской старообрядческой культуры второй половины XX в. — Урало-Сибирскому патерику, написанному в низовьях Енисея на основе фольклора, исторических, богословских, нравоучительных, полемических сочинений староверов-часовенных XVIII–XX вв. с привлечением газетной и журнальной публицистики советского времени, светских до- и послереволюционных изданий. Патерик посвящен истории согласия, в особенности его тайных монастырей, изобиловавшей преследованиями со стороны власти, наиболее длительными и тяжелыми в советский период. Естественно, что его боялись показывать, поэтому долгое время он не попадал в поле зрения археографов, обследовавших старообрядческие сибирские поселения. Лишь в начале 1990-х гг., после того как пресс гонений исчез, патерик стал известен ученым и староверы разрешили его скопировать. Патерик был основательно изучен его открывателями в начале 2000-х гг., однако он представляет богатейшее поле для исследований ученых самых разных гуманитарных специальностей. Не удивительно, что к памятнику обратился филолог-«древник», занимающийся старообрядческой агиографией: первые два тома трехтомного сочинения посвящены подвижникам мужских и женских монастырей. О. Д. Журавель в своих изысканиях удачно сочетает литературоведческий и культурологический анализ. В чем-то при изучении проблем ей пришлось идти вслед за своими предшественниками-историками, например в вопросах о создании часовенными собственного культа святых в условиях

³ См.: Гурьянова Н. С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 37–40.

⁴ Гурьянова Н. С. О предисловиях к старообрядческим сборникам // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 43–48.

⁵ Гурьянова Н. С. О восприятии старообрядцем эсхатологических построений предшественника // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 58–61.

⁶ См.: Титова Л. В. К вопросу о происхождении Сокращенной редакции «Ответа православных» дьякона Федора Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 3–7.

⁷ См.: Титова Л. В. Старообрядческие компиляции XVIII в. и проблема их авторства // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 21–25.

невозможности официальной канонизации, об особом внимании в связи с этим к подробностям кончины подвижников, а также при анализе структуры житий, при определении роли письменных и устных мемуарных свидетельств, подтверждающих достоверность святости местных подвижников, при изучении наследования ими византийских и древнерусских аскетических традиций, отразившихся в святоотеческой литературе и др.⁸ Однако О. Д. Журавель сумела найти и свои аспекты решения уже рассмотренных проблем. Например, она справедливо предположила, что «послания, помещенные (в Патерике. — Н. З.) рядом с описанием смерти, выполняют... функцию духовных завещаний».⁹ В ряде случаев она сумела пойти дальше. Так, исследуя предисловие Урало-Сибирского патерика, Н. Н. Покровский отмечал, что «Патерик имеет переключки с “Виноградом Российским”».¹⁰ Развивая это замечание, О. Д. Журавель, обратившись к лучшим творениям выговских поморцев начала XVIII в., авторитетным для староверов всех направлений, обнаружила, что в предисловиях к Урало-Сибирскому патерику (она насчитывает их два) были переработаны тексты не только «Винограда Российского», но и «Истории об отцах и страдальцах соловецких».¹¹

Отношением староверов Сибири к книжной культуре занималась Н. Д. Зольникова. В частности, она исследовала механизм изменения системы индикаторов, определяющих «свое» и «чужое», в письменном творчестве сибирских староверов-часовенных второй половины XX в. Несмотря на постоянно повторявшиеся соборные запреты обращаться к литературе иноверцев, оказалось, что с начала XX в. часовенные использовали ее все более интенсивно. При этом речь шла далеко не всегда о полемике, в которой цитирование врага было делом необходимым и обычным, начиная с возникновения раскола. Налицо оказались обширные заимствования из литературы противников. «Чужие» при этом различались. Если к использованию трудов

белокриницких книжников — основных соперников, активно и успешно переманивавших в свое согласие часовенных, — последние прибегали тайно, не делая никаких отсылок к источникам, то цитаты из книг «никониан», известных своей ученостью, снабжались всеми необходимыми отсылками. Очень часто сочинения представителей официальной церкви были резко тенденциозными, что обуславливалось миссионерскими задачами, но полемике с ними народный книжник не начинал, просто игнорируя негативные высказывания; для цитат же выбирался нужный в конкретных обстоятельствах материал. Подобный метод был уже опробован писателями-часовенными XIX в. на изданиях протестантов. Для оправдания широкой практики заимствования из враждебной культуры был выдвинут тезис: «...и святии тоже приводили от еретик достоверныя свидетельства».¹²

Сходным образом при создании текстов упоминавшегося выше Урало-Сибирского патерика использовались атеистические повести А. Емельянова, написанные в 1970–1980-е гг. с целью разоблачения «антисоветской деятельности» староверов Тувы. Автор патерикового рассказа отбирал в книгах Емельянова нужные для концепции патерика факты, касающиеся биографий и аскетической жизни монахов, игнорируя весь оценочный материал атеистического характера, который противоречил задачам старообрядческой агиографии.¹³ Итогом исследований Урало-Сибирского патерика — памятника, полученного в ходе полевой археографической работы, — стало его издание, снабженное комментариями, биографическими справками и аналитическими статьями публикаторов — Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольниковой, О. Д. Журавель.¹⁴ Именной указатель фактически стал особым исследованием: в патерике редко сообщались фамилии его героев, иногда встречались их отчества, правилом же было использование одних имен, которые к тому же постоянно повторялись. Идентификация персонажей превратилась в непростую проблему, решение которой первоначально

⁸ См.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М. 2002. С. 323, 328, 392, 429, 430, 432, 435, 436 и др.

⁹ Журавель О. Д. К изучению старообрядческой агиографии: ситуация представления // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 25–27.

¹⁰ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Указ. соч. С. 325.

¹¹ См.: Журавель О. Д. Предисловия в старообрядческой рукописной традиции // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 57–62.

¹² Зольникова Н. Д. Источник в книжной культуре староверия и РПЦ («свое» и «чужое») // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 38–41.

¹³ См.: Зольникова Н. Д. Тувинские черноризцы XX в. в атеистической литературе и Урало-Сибирском патерике // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 56–60.

¹⁴ Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в 3 т. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, О. Д. Журавель, Н. Д. Зольникова. М. 2014. Кн. 1 (т. 1–2)

взял на себя Н. Н. Покровский; завершена эта работа была уже после его кончины в 2013 г.

Другая область трансформации традиционных воззрений сибирских староверов в позднейшее время, исследованная Н. Д. Зольниковой, — эсхатологическая. Здесь также привлечены были экспедиционные находки — сибирские сочинения 1980-х гг. Если в первой половине XX в. массовые преследования и физическое уничтожение старообрядцев воспринимались ими как верный признак приближения конца света, то в последней трети этого столетия для сибирских староверов наступили относительно спокойные и сытые времена. Однако и в этот период продолжалось разрушение старообрядческих общин, теперь уже в ходе контактов с безрелигиозной советской культурой, в том числе и во время обучения детей в общеобразовательных школах. Один из писателей сибирского токаревского согласия (ответвление поморского) осмыслил время торжества социализма в стране как канун конца света, когда антихрист прельщает приверженцев старой веры спокойной жизнью и земными благами.

Н. А. Старухин выбрал объектом анализа нарративные источники, вышедшие из-под пера Феофилакта, игумена Казанского скита под Томском, одного из самых ярких авторов конца XIX — начала XX в. часовенного (позднее белокриницкого (австрийского)) согласия. Исследование эпистолярного наследия игумена позволило выявить в мировоззрении старообрядческого книжника характерные для крестьянских писателей демократические начала: обличая все власти, он постоянно поднимал тему «добрых пастырей», к которым не относил даже собственный епископат, не говоря уже о представителях официальной православной церкви.¹⁵

Наряду со староверием, объектом внимания новосибирских археографов также была другая ветвь российского православия — официальная православная церковь. При этом ее история изучалась в широком временном интервале — от древнейшего периода, эпохи реформ патриарха Никона и раскола, до первой половины XX в. Древнерусское наследие считалось «своим» и в старообрядчестве, и в стане его противников. И те и другие обращались к богатейшему источнику — публицисти-

ке первой половины XVI в., представленной именами таких выдающихся общественных деятелей, как преподобные Максим Грек, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий и его ученик митрополит Московский Даниил. Их авторитет в дальнейшем с равным рвением использовали в своей полемике и староверы, и их обличители. Но для того чтобы оценить позднейшую рецепцию читателями их трудов, нужно в первую очередь представить научную картину того, что происходило в книжной культуре России первой половины XVI в. Филолог Л. И. Журова обратилась к публицистике этого времени, выбрав для изучения новое явление — «интенсивный процесс создания публицистами сводов из собственных сочинений», который был вызван становлением «индивидуального начала в средневековой литературе».¹⁶ Этот процесс, как известно, позднее бурно развивался в литературе староверов, начиная с «Жития» протопопа Аввакума. Не менее заметным он был и в сочинениях писателей официальной православной церкви. Ранее Л. И. Журова, по предложению Н. Н. Покровского, много лет занималась творчеством Максима Грека, сборник с единственным полным списком судов над которым ученый обнаружил в одной из своих первых экспедиций, исследовал его и издал. Л. И. Журова взяла за образец метод основателя археографической школы: были опубликованы важнейшие труды преподобного в сопровождении выполненного ею монографического исследования.

В последние годы она обратилась к детальному изучению «Сборника» митрополита Даниила — противника Максима Грека. Рассматривая поднимавшиеся митрополитом богословские темы (они остались актуальными в православной среде и 450 лет спустя: это темы о ложных пророках и истинных учителях, о церковном предании, крестном знамении, об отношениях светской и церковной властей и т. д.), Л. И. Журова обнаружила, что около 90 % объема «Сборника» составляли чужие тексты — цитаты из Священного Писания, отцов церкви и т. п. Исследуя их смысловую роль в контексте всего свода, она опровергла мнение ученых XIX в. о ненужности изучения и публикации подобных текстов.¹⁷ Ее заключение

¹⁵ См.: Старухин Н. А. Игумен Казанского белокриницкого скита Феофилакт (Савкин) и его эпистолярное наследие // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 81–84.

¹⁶ Журова Л. И. Авторские своды в русской публицистике XVI в. (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 46–49.

¹⁷ См.: Журова Л. И. «Сборник» митрополита Даниила и культура проповеди в Московской Руси XVI в. (постанов-

согласуется с аналогичными наблюдениями в исследованиях последних десятилетий старообрядческой литературы в рамках новосибирской археографической школы, где на материалах XVII–XXI вв. было неоднократно показано, как тот или иной способ компоновки авторитетных цитат помогал создавать сочинения самой разнообразной богословской и полемической направленности. Актуальность этой проблемы несомненна: в историографии поднимался вопрос и о необходимости исследования значения подобных цитат в контексте произведений древнерусской литературы более раннего периода.¹⁸

Одной из самых значимых в идейно-литературном наследии церковных писателей во все времена была его агиографическая составляющая. С начала 1990-х гг. именно ее изучение стало одним из наиболее популярных направлений работ филологов, историков и культурологов. Филолог Т. В. Панич исследовала агиографическое творчество писателей официальной православной церкви древнерусского периода. Один из объектов ее внимания — духовные завещания иерархов XV–XVII вв., в которых часто совмещались признаки как документального, так и нарративного источника. Она пришла к выводу о том, что духовные завещания, существовавшие самостоятельно, позже становились составной частью житий, легко объединяясь с ними благодаря содержащимся в завещаниях автобиографическим сведениям, житийным мотивам и образам и выполняя роль «документального свидетельства последней воли житийного героя».¹⁹ Исследуя развитие агиографического жанра в период, предшествовавший отмене патриаршества, Т. В. Панич обратилась к житию патриарха Иоакима и установила, что оно не представляло собой единого текста, а существовало в своеобразной «рассеянной» форме: ряд сочинений его автора, будущего митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия Римского-Корсакова (его деятельность как главы епархии в свое время изучал Н. Н. Покровский), выполнял

отдельные функции структурных частей канонического жития. Такое нарушение традиции исследовательница считает показателем усиления авторского начала в творчестве церковных писателей.²⁰ Трансформация традиции, вызванная данной причиной, была магистральным направлением развития и старообрядческой агиографии как в XVII в., начиная с «Жития» Аввакума, так и позже — вплоть до XX в., о чем свидетельствуют исследования ученых новосибирской археографической школы.

«Белые пятна» истории еще одного, обновленческого, раскола Русской православной церкви, успешно ликвидируются благодаря исследованиям С. Г. Петрова, который проследил связанные с этим расколом общественно-политические процессы, происходившие как в столице, так и за Уралом. Будучи соавтором академика Н. Н. Покровского в работе над двухтомником по истории разгрома РПЦ в начале 1920-х гг.²¹ и получив замечательную археографическую выучку при исследовании документов XX в. методами, принятыми в медиэвистике, С. Г. Петров всегда обращает внимание на мельчайшие делопроизводственные пометы, приносящие часто важную информацию, не учтенную другими учеными. События обновленческого раскола в Сибири С. Г. Петров неизменно связывает с политикой центральных властей, позициями Л. Д. Троцкого, В. И. Ленина, Политбюро ЦК РКП(б), ГПУ, столичных «обновленцев». Благодаря этому ему удалось детально восстановить картину сибирского обновленческого движения, установить причины и главных деятелей внутренних расколов в нем, дать взвешенную оценку всего явления.²² Он также пересмотрел историю обновленчества на Дальнем Востоке. Так, ее исследователи на материалах местных архивов сделали вывод о победном шествии «обновленцев», опиравшихся на поддержку региональной администрации. Документы архивов и материалы центральной периодики, введенные в оборот С. Г. Петровым, позволили ему существенно уточнить этот вывод:

ка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 41–44; Она же. О некоторых особенностях функционирования цитат и заголовков в публицистике первой половины XVI в. // Там же. 2013. № 3. С. 26–30.

¹⁸ См., напр.: Данилевский И. Н. Цитаты, которые мы изучаем // Одиссей: человек в истории. М. 2004. С. 299–317.

¹⁹ Панич Т. В. Древнерусские духовные завещания XV–XVII вв. в агиографическом повествовании // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 34–37.

²⁰ Панич Т. В. Житие патриарха Иоакима: особенности композиции // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 50–53; Она же. Жанр видений в структуре жития патриарха Иоакима // Там же. 2012. № 3. С. 20–23.

²¹ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: в 2 кн. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.; Новосибирск. 1997–1998.

²² Петров С. Г. Обновленческий церковный раскол в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 79–82.

оказалось, что приверженцы патриарха Тихона не уступали своих позиций без сопротивления. Ему удалось обнаружить, что в столичные и местные органы власти, в частности в Наркомат юстиции, поступило заявление от православных верующих Хабаровска, в котором очень умело указывалось на неправомерность действий «обновленцев» в свете советского законодательства об отделении церкви от государства. Интересен и его исследовательский анализ переписки властных органов с учетом всех делопроизводственных помет, позволивших проследить движение документов по инстанциям, перемещение их в архивных фондах. С. Г. Петров пришел к итоговому заключению о том, что «тихоновцы», по крайней мере на некоторое время, одержали победу.²³

Мемуарное творчество становилось объектом внимания историков церкви и старообрядчества, изучавших его, например, в составе Урало-Сибирского патерика. Н. П. Матханова обратилась к мемуарному наследию сибиряков второй половины XIX в. Его фундаментальное изучение позволило ей впервые выявить корпус сибирской мемуаристики, состоящий из 1 150 названий, причем со свойственной ей основательностью она оговаривается, что еще не все источники (в частности, периодика) до конца обследованы, поэтому не исключается возможность его дальнейшего приращения. Внутри этого корпуса Н. П. Матханову заинтересовала особая группа — мемуары, написанные представителями местных народов (именно во второй половине XIX в. в этой среде начинается рост национального самосознания). Среди них выделяется группа представителей духовенства и учителей, воспитанных в сибирских миссионерских школах, особенно в знаменитой Алтайской миссии св. Макария (Глухарева). Исследовательница подробно останавливается на тех трудностях, с которыми она столкнулась при определении этнической принадлежности мемуаристов, часто имевших русские имена и фамилии, и очерчивает те источниковедческие приемы, которые позволяют эти трудности преодолеть. Н. П. Матхановой удалось установить то, что в деятельности соплеменников мемуаристы считали важным для своего народа: усвоение тех методов хозяйствования русских соседей, которые приносили им богатство, обучение

молодых «полезным ремеслам», учреждение школ, аптек, больниц. В итоге исследовательница сделала вывод о том, что все мемуаристы из числа сибирских аборигенов, будучи крещеными, «находились в сфере влияния русской культуры... выполняли функции посредников» между русской и аборигенными культурами.²⁴

Еще одно направление мемуаристики, изученное Н. П. Матхановой, — путевые заметки сибирских чиновников. Выполненные ранее фундаментальные монографические труды по истории сибирского чиновничества XIX в. придали особую источниковедческую глубину ее новым исследованиям. В частности, она ввела в научный оборот рукопись «Описание поездки по Сибирскому краю» выдающегося государственного деятеля России В. А. Арцимовича, служившего несколько лет тобольским губернатором. Анализ рукописи Н. П. Матханова предваряет ее детальным археографическим описанием и обзором неопубликованного наследия губернатора, которое было обнаружено ею в нескольких архивных фондах. Она отметила пограничный характер рукописи как источника, имеющей признаки как путевых записок, так и письма. Несмотря на то что «Описание поездки...» имеет многие традиционные для жанра путевых заметок элементы (описание природы, быта и хозяйства местных жителей, населенных пунктов, нравов местного чиновничества и т. д.), все же черты личности автора, по наблюдениям исследовательницы, задали сочинению определяющий тон: это постоянная забота об интересах государства, нуждах народа, о соблюдении закона.²⁵

Крупными источниковедческими достижениями ознаменованы исследования А. Х. Элрета: благодаря расшифровке сибирских экспедиционных записей выдающегося этнографа и историка России академика Г. Ф. Миллера, выполненных немецкой готической скорописью (частично — что-то вроде стенографии), ученому удалось ввести в научный оборот (исследовать и опубликовать) большой массив источников по истории Сибири первой трети XVIII в. Не раз такие законченные исследования или

²³ Петров С. Г. Из истории борьбы с обновленчеством православных верующих Дальнего Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 41–45.

²⁴ Матханова Н. П. Мемуары представителей коренного населения Сибири (XIX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 19–22.

²⁵ См.: Матханова Н. П. Тобольский губернатор В. А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 10–14.

публикации сопровождалась пересмотром давно утвердившихся в науке мнений. В частности, в ходе изучения миллеровских описаний сибирских уездов ученый сумел доказать, что количество населенных пунктов по II ревизии было преуменьшено по сравнению с реальным примерно в два раза.

В своих размышлениях об эволюции творческой личности Г. Ф. Миллера во время его путешествий по Сибири, длившихся десять лет, исследователь пришел к выводу об особой роли пребывания его на северо-востоке. В Якутске Г. Ф. Миллер обнаружил один из богатейших архивов и, применив метод сплошного просмотра дел, всю зиму лично копировал документы. Объем и качество собранных материалов позволили историку, как предположил А. Х. Элерт, уже в 1736–1737 гг. перейти от историко-географических описаний отдельных уездов к крупным обобщающим проектам в частности, к созданию начальных глав «Истории Сибири» и комплексному сравнительному этнографическому описанию всех сибирских народов.²⁶

Обращение А. Х. Элерта к «Ведомости» 1739 г. Мангазейской уездной канцелярии, составленной чиновниками по анкете Г. Ф. Миллера, также оказалось очень плодотворным, тем более что она была одной из самых объемных и информативных среди всех аналогичных ведомостей. На основе анализа данных анкеты А. Х. Элерту удалось определить примерную численность коренных народов уезда, которая составляла, по его мнению, около 4 тыс. чел. При этом он отдает себе отчет в том, что методика подсчета вынужденно отличается некоторой условностью из-за ряда плохо поддающихся учету обстоятельств (миграции, изменения политической ситуации и пр.) В частности, по данным информантов, к миграции в Мангазейский уезд якутов и тунгусов-долган привела тяжесть ясачного гнета, а колымо-алазейских чукчей — набеги восточных соседей. Временами выводы А. Х. Элерта о причинах разнообразия размеров ясака кажутся на первый взгляд парадоксальными. Так, он считает, что основным критерием определения его величины были не хозяйственные возможности ясачных, а внеэкономические соображения — степень покорности властям, военный потенциал сто-

рон, доступность аборигенного населения для отрядов служилых и т. д. В результате самый высокий ясак платили почти полностью крещеные остяки, жившие вблизи от Енисея. Итоговый вывод ученого: ясак почти никогда не уплачивался полностью (обычная норма уплаты — половина, треть и менее), недоимки тоже взыскивались редко по причине активного, иногда вооруженного, сопротивления и ухода ясачных за пределы досягаемости.

Особенное внимание А. Х. Элерт обращает на отсутствие естественного прироста русского населения в Мангазейском уезде. В качестве одного из объяснений того, что «сотни семей продолжали жить... на грани выживания» в чрезвычайно суровых условиях, он ссылается на мнение Г. В. Стеллера, коллеги Г. Ф. Миллера по Второй Камчатской экспедиции, писавшего о стремлении русских промышленных людей к деятельности в условиях максимальной свободы от надзора чиновников.²⁷ Отметим, что новосибирские археографы выявили аналогичные причины для тайных миграций староверов, в том числе сибирских, в XVIII–XX вв.

Изучение результатов экспедиционного обследования Сибири и Дальнего Востока в XVIII в. продолжено в работах И. А. Шипилова. Одна из его первых работ привлекает внимание современным звучанием поставленной проблемы: речь идет о межкультурных контактах и восприятию «чужой» культуры в парадигме собственной. Убедительно обрисован характер воззрений немецких ученых — руководителей академических экспедиций в Сибирь в XVIII в. Их взгляды сложились во время обучения в центрах раннего немецкого Просвещения и транслировались позже их младшим русским сотрудникам. В оценке И. А. Шипилова, немецкие ученые сыграли роль медиаторов между европейской и российской наукой, но этим их вклад не ограничился. В ходе экспедиционной работы они, как и их русские ученики, знакомились с реалиями культур сибирских народов, что вывело ученых за пределы принятой в то время дихотомии «цивилизация–варварство»: у аборигенного населения был обнаружен ряд «добродетелей», свойственных цивилизованным народам, а сами народы Сибири были

²⁶ Элерт А. Х. Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г. Ф. Миллера // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 44–47.

²⁷ Элерт А. Х. Население Мангазейского уезда по анкетным данным 1739 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 10–13.

признаны находящимися «на разных ступенях цивилизованности».²⁸

Изучая незаслуженно обойденный вклад вспомогательного персонала академических экспедиций в Сибирь, И. А. Шипилов обратил внимание на работы геодезистов, впервые создавших картографический материал на основе, соответствующей европейским знаниям первой половины XVIII в.: российская картография получила весомое приращение как наука, Европа и Россия получили достоверные научные сведения о географии Сибири.²⁹

Тему незаслуженно забытых источников по истории географических исследований Сибири И. А. Шипилов продолжил на материалах Мартина Сауера — секретаря и переводчика Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции конца XVIII в. Издание в Европе в конце XVIII — начале XIX в. вывезенной М. Сауэром в Великобританию части экспедиционных материалов, в том числе «точных карт, научных описаний новооткрытых земель, текстов присяг» аборигенного населения на российское подданство, официально закрепляло, по мнению И. А. Шипилова, за

Россией все территориальные приобретения новооткрытых земель, если следовать тогдашним нормам международного права.³⁰

Подводя итоги, хочется отметить, что новосибирская археографическая школа всегда следовала лучшим традициям отечественной археографии, которыми руководствовался в своем творчестве академик Н. Н. Покровский и которые включали постоянный поиск новых источников, тщательное их исследование, сопровождающееся глубоко комментированными публикациями. Это относилось и к источникам XX в., при изучении и издании которых основатель школы и его последователи применяли методы, выработанные русской медиевистикой. В работах Н. Н. Покровского, его сотрудников и учеников получили развитие подходы, характерные для исторической антропологии: внимание к повседневности, особенностям поведения как отдельных людей, так и их групп, выявление отношения к происходящему участников событий и т. д. В значительной степени эти подходы нашли отражение и в публикациях на страницах журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

Natalya D. Zolnikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: nnpokrov@gmail.com

STUDIES OF THE NOVOSIBIRSK ARCHEOGRAPHIC SCHOOL ON THE PAGES “HUMANITIES IN SIBERIA” MAGAZINE

The article is an overview of recent years publications by the Novosibirsk archeographic school headed by academician N. N. Pokrovsky. This school is known for its multidisciplinary approach to the study of problems of philology, history and ethnography. The works covered an extended period of Russian and Siberian history (the 16th — beginning of the 21st century); their subject defined by the school's founder embraced the history of Orthodoxy, both the Russian Orthodox Church and the Old Believers movement (including creative writing), public thought and public consciousness, as well as the history of Siberian studies by academic expeditions, etc.

Keywords: *the history of Orthodoxy, the Old Believers, Russian Orthodox Church, the Siberian expedition Russian Academy of Sciences*

REFERENCES

Arkhivy Kremlya: Politbyuro i Tserkov. 1922–1925 gg.: v 2 kn [Archives of the Kremlin: Politburo and Church. 1922-1925: in 2 books]. Izd. podgot. N. N. Pokrovskiy, S. G. Petrov. Moskow, Novosibirsk: ROSSPEN, Sib.khronograf Publ., 1997–1998. 647 p. (in Russ.).

²⁸ Шипилов И. А. Восприятие культуры аборигенного населения Сибири иностранными и русскими путешественниками XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 15–18.

²⁹ Шипилов И. А. Научная основа картографических материалов геодезистов — участников экспедиций в Сибирь в первой половине в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 62–65.

³⁰ Шипилов И. А. Источники по истории географических исследований Западной Сибири и Якутии в конце XVIII в. (материалы М. Сауера) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 45–48.

- Danilevskiy I. N. Tsitaty, kotorye my izuchaem* [Quotes which we study]. Odissey: chelovek v istorii, 2004, pp. 299–317. (in Russ.).
- Elert A. Kh. *Naselenie Mangazeyskogo uezda po anketnym dannym 1739 g.* [The population of the Mangazeysky district on biographical particulars of 1739]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 1, pp. 10–13. (in Russ.).
- Elert A. Kh. *Puteshestvie po severo-vostoku Sibiri kak perelomnyy etap v ekspeditsionnoy deyatel'nosti G.F. Millera* [Travel on the northeast of Siberia as a critical stage in forwarding activity of G. F. Miller]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 4, pp. 44–47. (in Russ.).
- Guryanova N. S. *Gerontiy Solovetskiy — sostavitel sbornika* [Geronty Solovetsky — the author of the collection]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2010, no. 3, pp. 3–7. (in Russ.).
- Guryanova N. S. *O predislouiyakh k staroobryadcheskim sbornikam* [About prefaces to Old Belief collections]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, No. 3, pp. 43–48. (in Russ.).
- Guryanova N. S. *O vospriyatii staroobryadtsem eschatologicheskikh postroeniy predshestvennika* [About perception Old Believer of eschatological creation of the predecessor]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, no. 3, pp. 58–61. (in Russ.).
- Guryanova N. S. *Staroobryadcheskie sborniki i missionerskaya deyatel'nost Russkoy pravoslavnoy tserkvi v nachale XVIII* [Old Belief collections and missionary activity of Russian Orthodox Church at the beginning of the XVIII century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, No. 3, pp. 24–27. (in Russ.).
- Guryanova N. S. *Staroobryadtsy i rukopisnoe nasledie Drevney Rusi* [Old Believers and hand-written heritage of Ancient Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, No. 3, pp. 37–40. (in Russ.).
- Matkhanova N. P. *Memuary predstaviteley koren'nogo naseleniya Sibiri (XIX v.)* [Memoirs of representatives of indigenous people of Siberia (XIX century)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2010, no. 3, pp. 19–22. (in Russ.).
- Matkhanova N. P. *Tobolskiy gubernator V. A. Artsimovich i ego zapiski o poezdke na sever gubernii* [The Tobolsk governor V. A. Artsimovich and his notes about a trip to the north provinces]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 10–14. (in Russ.).
- Panich T. V. *Drevnerusskie dukhovnye zaveshchaniya XV–XVII vv. v agiograficheskom povestvovanii* [Old Russian wills of the XV–XVII centuries in a hagiographical narration]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 34–37. (in Russ.).
- Panich T. V. *Zhanr videniy v strukture zhitiya patriarkha Ioakima* [Genre videniu in structure of life of the patriarch Joachim]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 3, pp. 20–23. (in Russ.).
- Panich T. V. *Zhitie patriarkha Ioakima: osobennosti kompozitsii* [Life of the patriarch Joachim: features of composition]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, No. 3, pp. 50–53. (in Russ.).
- Petrov S. G. *Iz istorii borby s obnovlenchestvom pravoslavnykh veruyushchikh Dal'nego Vostoka Rossii* [From history of fight against an obnovlenchestvo of orthodox believers of the Far East of Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2010, no. 4, pp. 41–45. (in Russ.).
- Petrov S. G. *Obnovlencheskiy tserkovnyy raskol v Sibiri* [Obnovlenchesky church split in Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 4, pp. 79–82. (in Russ.).
- Pokrovskiy N. N., Zolnikova N. D. *Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Starovery-chasovennye in the east of Russia in the XVIII–XX centuries: Problems of creativity and public consciousness.]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2002, 471 p. (in Russ.).
- Shipilov I. A. *Istochniki po istorii geograficheskikh issledovaniy Zapadnoy Sibiri i Yakutii v kontse XVIII v. (materialy M. Sauera)* [Sources on stories of geographical researches of Western Siberia and Yakutia at the end of the XVIII century (M. Sawyer's materials)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 3, pp. 45–48. (in Russ.).
- Shipilov I. A. *Nauchnaya osnova kartograficheskikh materialov geodezistov — uchastnikov ekspeditsiy v Sibir v pervoy polovine XVIII v.* [Scientific basis of cartographic materials of surveyors — participants of expeditions to Siberia in the first half of the XVIII century.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, no. 3, pp. 62–65. (in Russ.).
- Shipilov I. A. *Vospriyatie kultury aborigennogo naseleniya Sibiri inostrannymi i russkimi puteshestvennikami XVIII v.* [Perception kulturu native population of Siberia inostrannymi and Russian travelers of XVIII]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2010, no. 3, pp. 15–18. (in Russ.).

Starukhin N. A. *Igumen Kazanskogo belokrinitskogo skita Feofilakt (Savkin) i ego epistolarnoe nasledie* [Abbot of the Kazan belokrinitsky monastery Feofilakt (Savkin) and his epistolary heritage]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 1, pp. 81–84. (in Russ.).

Titova L. V. *K voprosu o proiskhozhdenii Sokrashchennoy redaktsii «Otveta pravoslavnykh» dyakona Fedora Ivanova* [To a question of an origin of the Reduced edition of “The answer of Orthodox Christians” of the deacon Fedor Ivanov]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, no. 4, pp. 3–7. (in Russ.).

Titova L. V. *Staroobryadcheskie kompilyatsii XVIII v. i problema ikh avtorstva* [Old Belief compilations of the XVIII century and problem of their authorship]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2010, no. 4, pp. 21–25. (in Russ.).

Uralo-Sibirskiy paterik: teksty i kommentarii: v 3 t. [Uralo-Sibirsky patericon: texts and comments: in 3 volumes]. Izd. podgot. N. N. Pokrovskiy, O. D. Zhuravel, N. D. Zolnikova. Moscow: YaSK Publ., 2014, vol. 1–2. 464 p. (in Russ.).

Zhuravel O. D. *K izucheniyu staroobryadcheskoy agiografii: situatsiya predstavleniya* [To studying of an Old Belief hagiography: predstavleniye situation]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2009, no. 3, pp. 24–28. (in Russ.).

Zhuravel O. D. *Predisloviya v staroobryadcheskoy rukopisnoy traditsii* [Prefaces in Old Belief hand-written tradition]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 4, pp. 57–62. (in Russ.).

Zhurova L. I. «Sobornik» mitropolita Daniila i kultura propovedi v Moskovskoy Rusi XVI v. (*postanovka problemy*) [“Sobornik” of the metropolitan Daniil and culture of the sermon in the Moscow Russia XVI century (statement of a problem)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 3, pp. 41–44. (in Russ.).

Zhurova L. I. *Avtorskie svody v russkoy publitsistike XVI v. (postanovka problemy)* [The author’s arches in the Russian journalism of the XVI century (statement of a problem)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2011, no. 3, pp. 46–49. (in Russ.).

Zhurova L. I. *O nekotorykh osobennostyakh funktsionirovaniya tsitat i zagolovkov v publitsistike pervoy poloviny XVI v.* [About some features of functioning of quotes and headings in journalism of the first half of the XVI century.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 26–30. (in Russ.).

Zolnikova N. D. *Istochnik v knizhnoy kulture staroveriya i RPTs («svoe» i «chuzhoe»)* [Source in book culture staroveriya and ROC («personal» and «others»)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2012, no. 3, pp. 38–41. (in Russ.).

Zolnikova N. D. *Tuvinskie chernoriztsy XX v. v ateisticheskoy literature i Uralo-Sibirskom paterike* [The Tuva chernorizets of the XX century in atheistic literature and the Uralo-Sibirsky patericon]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 3, pp. 56–60. (in Russ.).